

Федор Степун – Ольга Шор: из переписки 1920-х годов

Подготовка текста, примечания Александра Волкова (С.-Петербург),
с предисловием Андрея Шишкина (Рим / С.-Петербург)*

Эпистолярное наследие Федора Августовича Степуна (1884, Москва–1965, Мюнхен) – писателя, мыслителя, ученого – обширно и как единое целое еще не прочитано.¹ Между тем назрела необходимость синтетического анализа его переписок и сопоставления их с его особенной автобиографической прозой, книгой «Бывшее и несбывшееся» – опытом философской автобиографии.² На этом фоне письма приобретают значение первичного жизненного материала, который при создании философско-автобиографического повествования подвергся переработке или был по каким-то причинам устранен.

Начиная разговор о значении эпистолярного наследия Ф. А. Степуна хочется припомнить известные строки из письма П. А. Флоренского к В. В. Розанову: «Единственный вид литературы, который я признавать стал – это письма. Даже в “дневнике” автор принимает позу. Письмо же пишется столько спешно и в такой усталости, что не до поз в нем. Это единственный искренний род письма».³

Первое, что может броситься в глаза при чтении следующих ниже писем – это то, какой пласт жизни и творчества периода после Октябрьской революции Ф. А. не включил в свое автобиографическое повествование. Продолжая же мысль в направлении, обозначенном заглавием книги Ф. А. и раскрываемом в предисловии к ней – «Что зачалось и быть могло, но стать не возмогло», – трудно отделаться от вопроса, каким мог бы стать интеллектуальный климат 1920-х годов, если бы «теоретические недомыслия» А. Богданова, А. Луначарского и В. Маяковского (см. письмо 1) встречали своего критика в лице Ф. А. К этому надо добавить еще один облик, в котором в письмах предстает перед нами Ф. А. – взыскательного редактора, организатора литературно-философского сборника в Советской России (см. письмо 7). Замечательно, как крепко держался Ф. А. за послереволюционную интеллектуальную почву, идея о возможности поражения его лагеря была ему совершенно чужда. Вообще, надо думать,

---

* Публикация подготовлена в рамках темы «Европейские основы и русский вклад в моделях возрождения культуры (Творческое наследие Вячеслава Иванова и авторов его круга в материалах Римского архива)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

1 Библиографию эпистолярия Ф. А. (к сожалению, избыточная опечатками) см. в кн.: *Федор Августович Степун*. Под ред. В. К. Кантора. (Серия: Философы России первой половины XX века). Москва 2012, 379–381 (всего 26 позиций).

2 Ф. Степун *Бывшее и несбывшееся*. Т. 1-2. Нью-Йорк, 1956. Далее это издание цитируется в тексте.

3 Цит. по: *Розановская энциклопедия*. Составитель и гл. редактор А. Н. Николюкин. Москва 2008, 1837.

что Ф. А. точно выразил свою политическую позицию, давая показания на допросе в ГПУ 22 сентября 1922 г.: «Как философ, считаю большевизм очень сложной религиозной и моральной болезнью русской народной души <...> И больная жена мне жена».⁴ Как известно, через две недели на основании допроса постановлением Коллегии ГПУ Ф. А. был выслан за границу.

Жизнь Ф. А. в Советской России документируют 8 из 18 избранных здесь писем. Девятое письмо, от 19 ноября 1922 г., посвящено уже встрече с Западом после высылки из Советской России. Поразительным образом, по свидетельству этого письма, жизнь Запада, уют и комфорт которой мог мерещиться Ф. А. в неустроенном советском быте, немедленно отодвинулись для Ф. А. на второй план: «Тема России <...> так остро встала над душой, что Европа сразу же отошла, так как встала в близкое, реальное, естественное, само собою понятное и тем самым обесцененное». Заключительная часть письма от 19 ноября 1922 г. посвящена теме «обрусения» Германии: созданию Религиозно-философской академии, Русского научного института в Берлине, участию в журнале «Современные записки» – то есть построению зарубежной России. В последующих письмах читатель найдет остро и глубоко набросанные портреты М. Горького, Гуссерля, Хайдеггера.

Декларацию Ф. А., сформулированную в письме от 19 ноября 1922 г., имеет смысл сопоставить с заключительными строками книги «Бывшее и несбывшееся», датированными 20 декабря 1948 г. Здесь, подводя итоги своей автобиографии мыслителя, Ф. А. писал о своей деятельности как о «постоянном всматривании в тайну России». Быть может, именно этот выбор воспрепятствовал Ф. А. стать самодостаточным философом или писателем.

Необходимо сказать несколько слов об адресате писем Ф. А.⁵ Ольга Александровна Шор (1894–1978) познакомилась с Ф. А. в 1912 г. во Фрейбурге, где слушала лекции по философии у Риккерта. В 1916 г. О. А. защитила диплом о гносеологии Фихте, в Москве в 1918–1922 гг. читала лекции об истории искусства в «Народном университете» Наркомпроса для командного состава Красной армии, с начала 1920-х гг. – в «Академии Художественных Наук» (РАХН), сотрудником которой О. А. была с мая 1923 г.⁶ Здесь, в частности, О. А. читала доклад «Микель-Анджело (К проблематике художественного творчества)» в январе 1925 г.⁷ В своих мемуарах Степун вспоминал об «академии», которая в первые послереволюционные годы собиралась на дому у Н. Бердяева – Г. Рачинский, Андрей Белый, Вяч. Иванов, Ю. Айхенвальд, С. Франк,

4 Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. Составление, вступительная статья В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М., 2005, 337. Ср.: Степун, *Бывшее и несбывшееся*. Т. 2, 417–418.

5 Ср. Д. В. Иванов, О. А. Шор–О. Дешарт (некрологическая статья). In: Вячеслав Иванов. *Собрание сочинений*. Т. III. Брюссель 1979, 688–694; Н. Рудник, Д. Сегал. Письмо О. А. Шор (О. Дешарт) Ф. А. Степуну // <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2001/17/ru11.html>; А. Шишкин, Ольга Александровна Шор // <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=133>; Светлана Федотова, *Поэтология Вячеслава Иванова*. Тамбов 2012, 41–58.

6 См. Рудник, Сегал. Письмо О. А. Шор (О. Дешарт) Ф. А. Степуну.

7 Тезисы опубликовала О. Л. Фетисенко в кн.: *Русско-итальянский архив*. Составители К. Дидди и А. Шишкин. VII. Salerno 2011, 214.

Я. Букшпан, П. Муратов, М. Гершензон, всего 25, а то и 100 человек, «на всех докладах и прениях неизменно присутствовала Ольга Александровна Шор... исключительно умная, многостороннее образованная и очень талантливая девушка» (Т. 2, 272–273). О. А. «твердо и учено поддерживала и развивала мои идеи о пореволюционном искусстве», – вспоминал Ф. А. в другой главке (Т. 2, 344–345).

Был вхож Ф. А. и в гостеприимный дом отца О. А. – Александра Соломоновича (1864–1939), где встречался с Г. Шпетом и Вяч. Ивановым. Именно через О. А. в Москве Ф. А. узнал о выходе из печати книги Освальда Шпенглера «Закат Европы» (2, 275). Как известно, следствием критического чтения этой книги было появление знаменитого сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы» (Москва 1922), который разошелся десятитысячным тиражом.

Весной 1927 г. О. А. выехала из СССР и несколько недель гостила у Степуна на Парадизштрассе в Дрездене.⁸ В мае 1927 О. А. приехала в Рим и близко сошлась с всей семьей Вяч. Иванова, особенно с дочерью поэта Лидией. В Италии Шор продолжала занятия Микеланджело, Л. Б. Альберти, древней и средневековой архитектурой, трактатом «Мнемология» (рукописи и машинописи в Римском архиве Вяч. Иванова). Но главным событием собственной биографии Шор признала «апантему» (то есть, на философском языке О. А. и В. И. Иванова – встречу в высоком экзистенциальном смысле) с Ивановым и его творчеством. «Вячеслав Иванов был для нее учителем и художником, выразившим и выражающим на своем языке истины ей “созвучные”. Он, со своей стороны, высоко ценил ее философские искания, признавал в них – помимо точности и остроты спекулятивного мышления – глубокие духовные интуиции».⁹ Несмотря на неоднократные призывы поэта к О. А. завершить ее собственные искусствоведческие и философские исследования, вся деятельность О. А. в следующие 50 лет ее жизни были посвящены интерпретации, изданию и комментированию сочинений Вяч. Иванова. В единственном на сегодняшний день многотомном собрании сочинений Вяч. Иванова (Брюссель 1971–1979) О. А. принадлежит очень обстоятельное «Введение» и подробнейшие комментарии. Книга Шор «Микель-Анджело» опубликована в 2011 г., ее предваряет эссе И. Д. Чечота «Путеводная звезда трагедии: Микеланджело глазами О. А. Шор».¹⁰

Письма Ф. А. к Ольге Шор (1920–1965, всего 84 пп.) хранятся в Римском архиве Вяч. Иванова, готовится их полная публикация.

Рим / С.Петербург

Андрей Шишкин

8 См. письмо О. А. к Вяч. Иванову от 7 и 27 февраля 1927 г. / Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор. Предисловие А. Кондюриной, публикация А. Кондюриной, Л. Ивановой, Д. Рицци и А. Шишкина. In: *Русско-итальянский архив*. Составители Д. Рицци и А. Шишкин. III. Salerno 2001, 251–260.

9 Д. В. Иванов. О. А. Шор–О. Дешарт, 690.

10 См. *Русско-итальянский архив*. VII. Salerno 2011, 217–278. Публикация и примечания О. Л. Фетисенко.

<Декабрь 1920 г.>¹¹

Дорогая Ольга Александровна. Тезисов в Москве написать не мог. Справился с ними лишь сегодня (понедельник утром). Кажется, вышло соблазнительно. К Вам просьба: передать тезисы Екатерине Дмитриевне Кусковой и привезти от нее ответ: состоится ли лекция и когда.¹² Очень не хочется работать впустую. Это раз. А два: – от того, состоится ли эта лекция или нет, зависит содержание другой моей лекции: «Истина и Современность», об окончательной судьбе которой просил бы Вас созвониться с Бердяевым¹³ или с Грифцовым¹⁴ (телефон 2-16-47). Затем ещё просьба: не сможете ли привезти с собой какой-нибудь пикантной литературы к параграфу «пролеткультцы и футуристы». Жажду в качестве цитат каких-нибудь ультимативных пролеткультских глупостей. Мне были бы нужны теоретические недомыслия Керженцева,¹⁵ Богданова,¹⁶ Лебедева-Полянского, Луначарского и других. А также произведения Маяковского и других. Я думаю, симптоматичности Вам назовет Шершеневич.¹⁷

Подпочвенная мысль моей лекции, которую я выбросил из тезисов [лекции], заключается в противополжении Платона и Маркса, как Трагедии и Идиллии, но вне трагического мироощущения нет в сущности места для искусства. Что же оно будет делать в Социализме? На этот вопрос мне и нужно ответить. Если что-нибудь найдется по этому вопросу под руками, может быть, захватите. Впрочем, Вы ничего не сможете сделать, ибо письмо это или придет накануне вашего отъезда, или опоздает.

Теперь – ехать трудно. Билет надо взять заранее. Командировку надо на вокзале проштемпелевать в комиссии по посадке: она помещается в вагоне за деревянным забором, пересекающим платформы. Придти надо на вокзал по крайней мере за 1 ч. 15 минут. Сесть надо в телятник близко к входу, а то можно не вылезти. Поезд 5. 30. Лошадь подаем <в> Воскресенье. Кажется всё. Всем сердечный привет от Натальи Николаевны¹⁸ и меня.

Ваш Ф. Степун.

11 Карандашом, рукой О. Шор.

12 По-видимому, заявленная лекция не состоялась.

13 Бердяев, Николай Александрович (1874–1948) в 1919–1922 гг. был председателем Вольной академии христианской культуры.

14 Грифцов, Борис Александрович (1885–1950) – литературовед, искусствовед, переводчик, в 1919–1922 гг. – секретарь Вольной академии духовной культуры.

15 Керженцев (наст. фамилия Лебедев), Платон Михайлович (1881–1940) – советский партийный деятель, дипломат, журналист.

16 Богданов (наст. фамилия Малиновский), Александр Александрович (1873–1928) – советский общественный деятель, философ, экономист, писатель, теоретик Пролеткульта.

17 Шершеневич, Вадим Габриэлевич (1893–1942) – поэт-имажинист, с 1919 г. – председатель московского отделения Всероссийского союза поэтов.

18 Степун (урожд. Никольская), Наталья Николаевна (1886–1961) – супруга Ф. А. Степуна (с 1911 г.).

Р. С. Ждем, что Вы привезете сведения о том, когда надо высылать лошадь за Королевыми.¹⁹

2

Февраль 1921.²⁰

Я чувствую себя очень гнусно. Меня страшно уговаривают не ехать. Говорят, я умру, если поеду. Я ещё не сдал позиции. Но всё же в случае передачи Вам этого письма *и добавочно*: если я в Воскресенье *не позвоню Вам*, то будьте добры, сообщите Грифцову, Коршу,²¹ что я не приехал. Приеду – лишь когда выздоровлю. Очень извиняюсь и буду благодарен.
Ваш Ф. Степун. Наташа целует.
А написал очень глупо.

3

<Февраль 1921>.²²

Дорогая Ольга Александровна.

Очень жалею, что изначальная суэта и наконецная болезнь (я начитался Маяковского) съела, виноват, сожрала наше свидание.

Наташа идет к Вам в качестве красной шапки № 17 (Вы ее за это проберите дружественно). Несет письмо, но просьбу передать не может, очевидно, она чувствует себя красной шапочкой, а Вас, как всякую не до конца овеществленную человечью душу, серым волком (у меня температура).

Дело вот в чем: Театр Корша принял меня на службу (фиктивно), дабы схлопотать карточку. Сейчас талон домового комитета находится в коршевском *месткоме*; на днях там все будет сделано. Надо бы этот талон, обмененный на продовольственную карточку, оттуда выручить и, если можно, присоединить к Вашим карточкам на предмет объединенного получения городского пайка. Написав эту просьбу, я почувствовал, что она действительно неприлично монументальна. Кажется, я действительно готов как серый волк пожрать Вашу любезность.

У Корша надо обратиться к *Слепухину* или *Вл. Вл. Третьякову*.²³ Тел. Корша 5-18.

19 Неустановленные лица.

20 Карандашом, рукой О. Шор.

21 По-видимому, в Театр Корша.

22 Карандашом рукой О. А. Шор.

23 Неустановленные лица, по-видимому, работники администрации Театра Корша.

Сердечный привет Вам и всему *Центромиру*.²⁴ NB. Кажется, 21-го я начинаю «Жизнь и творчество».²⁵ Если добудете приличную кубышку, буду рад. Ваш Ф. Степ<ун>.

4

<1922 г>.

Дорогая Ольга Александровна. В Понедельник или во Вторник я решил приехать в Москву: будет автомобиль, а это большое удобство. Да и пора: надо в Малаховку,²⁶ надо выяснить долг Липы,²⁷ главное выяснить с Бердяевым, Франком и Букшпаном вопрос статьи в Шпенглеровский сборник.²⁸ Очевидно, Ваше предложение то же, а не параллельное? Да и Гринер²⁹ меня уже не волнует, но злит. А ехать страшно не хочется: «Переслегин»³⁰ прекрасно пишется. К Вам одна просьба: позвоните, пожалуйста, Бердяеву и скажите, что письмо его шло до меня 11 дней и что я в ответ на него буду <во> Вторник в Москве. На статью я принципиально согласен.

Если можно с назначением моего доклада в Художественной академии подождать до моего приезда – то, пожалуйста, подождите, если нельзя, то назначьте сами, по возможности считаясь с тем, что я хотел бы остаться в Москве не более чем десять дней.³¹

С вашим отказом за меня от службы в Москве вполне согласен. За Ваш мыло-спичечно-сахаринный пакет крайне благодарен. Обо всем остальном ввиду скорого приезда не пишу.

Наташа и я шлем Вам и всем вашим сердечный привет.

Ваш Ф. Степун.

---

24 Неустановленное учреждение.

25 Сборник философских статей Ф. А. Степуна, выпущен берлинским издательством «Обелиск» в 1923 г.

26 Дачный посёлок под Москвой.

27 Степун, Оскар Августович (1885–1964) – учёный-химик, экономист, брат Ф. А. Степуна.

28 Сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы» (Москва, Берег, 1922) включал в себя статьи Ф. А. Степуна («Освальд Шпенглер и “Закат Европы”»), С. Л. Франка («Кризис западной культуры»), Н. А. Бердяева («Предсмертные мысли Фауста»), Я. М. Букшпана («Преодоленный рационализм»).

29 Гринер, Л. И. – сотрудник издательства «Берег».

30 Философский роман в письмах «Николай Переслегин»; опубликован в журнале «Современные записки» в 1924–1925 гг., отдельное издание – Париж 1929.

31 Доклад Ф. А. Степуна «Кризис интеллектуализма» в западной философии» (о книге О. Шпенглера «Закат Европы») состоялся в РАХН 27 ноября 1921 г.

<28 февраля 1922 г>.³²

Дорогая Ольга Александровна. Вчера вечером безумно болела голова. Не мог дописать рецензии.³³ Встал сегодня в пять утра – дописал. Сейчас безумно спешу к семи на «ужин», чтобы сдать их Владимиру.³⁴

По-настоящему надо было бы написать письмо Копельману³⁵ и секретарю Постолову,³⁶ так как Копельман, вероятно, еще в Петербурге. Но страшно поздно. Адреса Копельмана я не знаю. На Тверскую в редакцию «Шиповника» Володя вряд ли скоро соберется. Одним словом, если не через Вашу действующую совесть, то я ни в чём не уверен. Что Ваша совесть пробуждает во мне бессовестность, это уже установившийся порядок наших отношений.

Итак, я очень прошу, получив сие письмо с вложением рецензий, позвонить Копельману, передать ему оные и попросить мне написать с обратными лошадами (когда они пойдут, вы точно узнаете у Володи, как и куда Копельману передать письмо, тоже узнаете у Владимира). В письме я прошу сообщить мне

1) не опоздают ли мои дальнейшие 3, 4 рецензии, если я пришлю их на этой неделе, и есть ли для них место,

2) когда готовится выход номера и получи ли я на просмотр корректуры статьи и рецензии.

3) Как рецензии Вышеславцева и Франка.

4) Что цензура.

5) Когда мне ждать Копельмана к себе, если Копельмана нет еще в Москве, то, быть может, Вы позвоните в Камерный небезызвестному Д. И. Постолову (Давиду Ионычу) и попросите, чтобы он написал мне. Проще же, если он просто ответит Вам на эти вопросы, а Вы передадите мне в кратчайшей записочке. А то он задержит и ничего не выйдет.

Если у Вас к моменту отправки будут случайно какие-нибудь деньги, Академия, Эфрос³⁷ или Грифцов, то пришлите их сюда. Тут учредили кооператив, и деньги стали нужны. В Москву я думаю поехать на 5-ю и 6-ю неделю. К этому

³² Карандашом рукой О. А. Шор.

³³ Имеются в виду рецензии для сборника литературы и искусств «Шиповник».

³⁴ Степун, Владимир Августович (1898–1974) – актёр МХАТа, брат Ф. А. Степуна.

³⁵ Копельман, Соломон Юльевич (1880–1944) – основатель и совладелец (совместно с З. И. Гржебиным) издательства «Шиповник» (1906–1918), главный редактор выпускавшихся им альманахов.

³⁶ Постолов, Давид Ионович (?–?) – секретарь издательства «Шиповник».

³⁷ Эфрос, Николай Ефимович (1867–1922) – театральный критик, журналист; в 1921–1922 гг. – редактор журналов «Театральное обозрение», «Культура театра».

времени привезу Юше³⁸ книгу. «Трагедию»³⁹ написал для «Шиповника» тщательно. Ее распространение не займет много времени. Пишу «Артистическую душу».⁴⁰ Она вырастает в большую статью и очень меня мучает.

Ну пока все. Очень прошу об ответе. Очень за все благодарен, извиняюсь за затруднения. В будущем мы с Копельманом наладим деловую непосредственность. Сейчас же я не знаю ни его адреса, ни его телефона.

Наташа и я шлем сердечный привет Вам и всем Вашим.⁴¹

6

<Середина июля 1922 г.>⁴²

Дорогая Ольга Александровна.

Бесконечное спасибо за все хлопоты. Вы смущаете меня искренне интенсивностью Вашей борьбы за меня. Каждое письмо приносит, правда, все те же, но всегда свежие новости о Кубу.⁴³ Ради Бога, перейдите от тактики вопросов к тактике ожидания ответов, а то Вы, боюсь, не только израните свои ноги, но и нанесете рану Вашему доброму отношению ко мне. В конце концов, нельзя ничего не возмечь против человека, который настолько доставляет неприятности...

Если Вы из полученных 50 миллионов не вычли 20, которые я должен Вам, то я это ослушание моей тенденции к некоторой порядочности еще могу Вам простить, но если Вы «накрыли» Юшу и прислали мне еще майские деньги, которые по «клятве» «Шиповника» должны были правда уже быть у него, то это правда не простительно. Вопрос этот меня очень волнует.

Коклюш мой, очевидно, на исходе. Я еще кашляю, иногда закашливаюсь, иногда мне бывает дурно, но все же я свеж, бодр, могу громко разговаривать и даже читать. Все вокруг меня соблюдают, однако, карантинный период. Тарасевичи⁴⁴ к нам не ходят.

В Малаховке у нас тоже опять несчастье. Марга⁴⁵ заболела дизентерией. Володя писал, что положение не безопасное. Несчастное лето. Наташа поправилась, но слаба и худая. Бок побаливает: «одно ребро за другое заходит» – но работает.

38 Шор, Евсей Давидович (1891–1974) – двоюродный брат О. А. Шор, ученый секретарь РАХН.

39 Статья Ф. А. Степуна «Трагедия и современность» опубликована: *Шиповник (Сборник литературы и искусства)*. Под ред. Ф. А. Степуна. Москва 1922, № 1.

40 Статья Ф. А. Степуна «Природа актерской души» опубликована: *Искусство* 1923, № 1.

41 Внизу другим почерком телефон: 7–44–90.

42 Другими чернилами рукой О. А. Шор.

43 Це-Кубу – Центральная комиссия по улучшению быта учёных, основанная М. Горьким в 1919 г.

44 Тарасевичи: Юлия Львовна – жена В. А. Степуна, Александр Львович (1896–?) – сотрудник Румянцевского музея, её брат.

45 Степун, Маргарита (Марга) Августовна (1877–1972) – сестра Ф. А. Степуна, в дальнейшем – оперная и эстрадная певица; в эмиграции с 1925 г.

«Переслегин» в последние две недели пошел очень хорошо. Если бы не отрываться, я бы очень продвинулся. Но боюсь, что не отрываться не придется. Надо к маме,⁴⁶ надо будет, вероятно, и в Москву как-нибудь. Но я буду эгоистически упорствовать в писании.

Второй части сейчас пишется сто больших страниц, 50 переработанных, 50 заново написанных. Кажется, пока не надоел. Буду рад прочесть Вам их здесь. В Среду Коля⁴⁷ едет с сеном в Москву. Может быть, С. Ю.⁴⁸ сообщит с ним (я напишу ему с Колей письмом), когда он приедет.

Самое лучшее было бы, если бы он приехал как можно скорее, после него я поехал бы к маме; от нее вернулся бы вместе с Вами к нам. После перемены воздуха и моего пребывания в доме, где есть чужие дети, и думаю, Вас все благословили на Поповский⁴⁹ отдых. Если бы Вы рискнули приехать раньше, может быть, сразу же на телеге с Колей, или сообщили бы, когда за Вами выехать, мы бы с Наташей были только рады, но зараза оставалась бы на Вашей совести. Так как, повторяю, я еще кашляю.

Если бы Вы могли позвонить Копельману, получив это письмо, чтобы он до четверга «изготовил» свои соображения насчет прибытия, был бы Вам очень благодарен.

Пока сердечный привет Вам и Вашим от Наталии и Федора Степун.

7

<30-ого июля 1922>.⁵⁰

Дорогая Ольга Александровна! Конечно, сейчас. И чем скорее, тем лучше. Кашлять я еще кашляю, но совсем мало. Курьер – Александр Львович Тарасевич. Он завтра же возвращается обратно. Возвращается ли он один, он еще не знает, но если один, то предлагаю приехать с ним. Лошадь и экипаж – очень удобны. Если с ним не сможете, то сообщите, когда высылать. Ждем обязательно. Вторую половину августа я, вероятно, буду в Малаховке.

Что касается «Шиповника», то Меерсон⁵¹ должен знать, что согласно его личному предложению я получаю по двадцати пяти рублей золотом в месяц. Присланные вами 50 миллионов – доплата майского гонорара и авторские за рецензии. За Июнь и Июль «Шиповник» мне должен 50 рублей. Сколько сейчас стоит золотой, я не знаю.

---

46 Степун (урожд. Аргеландер), Мария Федоровна (1861–1941) – мать Ф. А. Степуна; с 1925 г. – в эмиграции.

47 Никольский, Николай Николаевич – брат Н. Н. Степун.

48 С. Ю. Копельман.

49 Поповка – имение Никольских под Дмитровом (в воспоминаниях Ф. А. Степуна изображена как Ивановка).

50 Карандашом рукой О. А. Шор.

51 Сотрудник редакции издательства «Шиповник».

Если сейчас получите, то ради Бога отдайте Юше. Ведь если Вы ему предложите подарить мне деньги, то он тоже может согласиться. Так что его согласие для Вас отнюдь не смягчающее обстоятельство.

Если у Вас будет какая-нибудь возможность, то ради Бога снесите по телефону с Копельманом. Он ничего не ответил мне на мое большое письмо и даже не удостоверил получение рукописи. А я ему ставил ряд важных вопросов.

Я очень тревожусь за судьбу «Шиповника» т. е. № журнала – ведь при случившемся опоздании там весь материал, за исключением стихов, беллетристики и статей (тоже отчасти) совершенно не годен. О чулковском Тютчеве⁵² всем надоело читать, юбилейные даты Пушкина и Флобера – забыты. Статьи Гроссмана и Грифцова – скисли.⁵³ О библиографии не приходится и говорить. Ведь когда я писал Копельману о том, что узнал здесь о дальнейшей задержке № – я думал и надеялся, что он меня опровергнет. Но он сам едет ввиду задержки журнала в Петербург. Значит запоздание солидное. При таком положении необходим какой-нибудь радикальный жест. Я считаю, что оба *последние отдела* должны быть заново *написаны* и номер должен быть обновлен. Если это не будет сделано, то я как редактор должен требовать предисловия с датой сдачи всего материала и с упоминанием «независящих от редакции» обстоятельств. Иначе мое положение жутко. Может быть, вы скажете Копельману, что я очень прошу ответить на все эти вопросы. Если Копельман уже в Питере, может быть, правление сочтет для себя естественным дать мне какие-нибудь сведения и разъяснения. Кроме журнала я хотел бы знать, когда выпустят мою книгу о «Театре» и альманах. Есть ли у них бумага и деньги. Обо всем этом я писал Копельману. Сообщаю Вам эти вопросы для ориентации, в случае, <если> Вы будете иметь дело с Меерсоном. Но только ради Бога ни часа не задерживайтесь ради этого в Москве. Это все не важно. Все равно мне придется или рвать с «Шиповником», или все ставить на совершенно новую ногу. Это все выяснится при моем проезде через Москву в Малаховку. Наконец и первое сентября – срок моего «отпуска» не за горами. О пайке ради Бога не заботьтесь.

А главное – приезжайте. Всего хорошего. Ждем завтра.

Ваш Федор Степун. Наташа приветствует всех.

52 Чулков, Георгий Иванович (1879–1939) – литератор; автор многочисленных публикаций о творчестве Ф. И. Тютчева; в «Шиповник» вошла его статья «Тютчев на смертном одре» (с. 148–157).

53 Б. Грифцовым для «Шиповника» были написаны статья «О писательском пути Флобера» и три рецензии, Л. Гроссманом – пять рецензий.

8

<1922>.

Дорогая Ольга Александровна.
 Просьбы следующие.

1) Пакет, который Вам дней через 5 должен доставить «Шиповник», переслать со всякой возможной срочностью в Поповку, думаю, лучше всего через Тарасевича. – Если же от них никакой ни своей, ни нашей оказии не будет, то заказною бандеролью.

В пакете должны быть мои статьи о театре (Боже, до чего они мне надоели!) в двух экземплярах – один <в> Берлин, один <в> «Шиповник». Решил без своей правки в Берлин рукописей не отсылать

2) Завтра Наташа пойдет к г-же Коченовской, представительнице Берлинского И<здательств>а «Ладыжникова», чтобы узнать, приняты ли издательством предложенные мною условия, где и когда я подписываю с *Изд<ательств>ом* контракт и направлять ли мне Ладыжникову мой «Театр». Если Наташа ее не застанет, очень прошу сходить Вас и о результатах сообщить мне. В случае, если выяснится, что Наташа ее не видала, она сообщит Вам добавочно некоторые детали. (Адрес Кочановской – Мертвый пер. д. 11. кв 4).

3) Евсей Давидовичу прошу сообщить, что мой долг ему «Шиповник» категорически обещал погасить на этой неделе. Если что получится с Академией, прошу за вычетом долга переслать мне.

4) Затем паек и срок его получения.
 Ну всё. За сим обычные бесцельные извинения и благодарности.
 Извиняюсь за канцелярию. Очень устал.
 Привет всем. Ф. С.

9

Воскресенье 19. XI. <1922>.

Berlin Steglitz Moltkestr I/II bei Bairiecky.

Дорогая Ольга Александровна.

Ваше письмо получил. Все – что возможно, конечно, сделано «на страстях». Насколько осведомлен, а осведомлен я, по-моему, хорошо, к моменту получения этого письма все визы будут уже в Вашем распоряжении. Выхлопывая в данное время визы для мамы и Марги, знаю непосредственно из высокопоставленных сфер, которые за меня хлопочут, что выдача виз страшно затруднена – это раз; а два – всецело передана новому московскому послу⁵⁴ и изъята

54 Брокдорф-Ранцау, Ульрих фон (Ulrich von Brockdorff-Rantzau; 1869–1928) – немецкий дипломат, в 1922–1928 гг. – посол Германии в СССР.

из распоряжения Берлина. Здесь сейчас «Überfremdung»⁵⁵ вообще больной вопрос, создан специальный «Fremdenamt»⁵⁶ и ведется в связи с «Markensturz»⁵⁷ сильная кампания националистического характера. Как в политическом, так и в экономическом отношении [характере] мы попали в Германию в самый неблагоприятный момент.<...>

У нас две «буржуазно», но хорошо обставленные комнаты в отдаленной части города. Эмигрантский Kurfürstendamm в 40 минутах трамвайной езды. Тяжелая темная дубовая столовая и светло-желтый тоже дубовый кабинет-спальня. Все пакеты из Красного Креста пришли. Фотографии мои на месте – так же, как в Поповке, грустно висит в облаках маленькая Наташа с куклой и я бородатый еду навстречу себе безбородому. Подо мной в окнах маленькие рабочие домишки, окруженные огородами, а за ними серая германская кирка с башней и часами. Много простору, много ветру. Каждое возвращение из Берлина радует – словно из Москвы в Поповку: в тишину, в <нрзб.>, к себе, в свое.

Поедем ли мы во Фрейбург? – не знаю. Не скоро – во всяком случае. Все возможности заработка – таятся в Берлине. Мне же уже ясно, что я смогу вернуть доллары только в том случае, если я словчусь их не растратить. Мне физически те же можно вернуть. Приобрести же другие – невозможная мечта, ибо за лист книги платят около двух долларов (в Германии). А кроме того, печатание книг, как все говорят, должно будет приостановиться, если проблема стабилизации марки и ее возвеличения не будет решена в ближайшее время. А решение, кажется, не видно.

Доехали мы прекрасно. В Риге, как только я вышел на вокзал, меня сразу же охватило «чувство фронта». Трудно передать: – Риги не было как города, как Латвии; было живо только острое знание. Вот через этот мост – к себе в «Олень». Вот фонарный столб, у которого мой вестовой привязывал «Чадру».⁵⁸ Гостиница Риги – Вильзар, наш разговор с ним; за *этим* столом Чаляпин⁵⁹ в вечер получения батареи в 13-ой дивизии. Дальше окно – Наташиной комнаты, дальше «Франкфурт-на-Майне», перекрещенный в «Ростов-на-Дону», где мы все – батарея и Наташа ужинали – перед посадкой в поезд и в бой... и т. д. и т. д., и все так нежно [тоскливо], так скорбно, так вечно, так желанно, что мне Вам этого не передать сырыми, подручными словами; – Встречу с Ригой я мог бы поднять с [излить из] души только путем очень сложных и очень тщательных словесных построений. Но Вы, я уверен, поймете и эти скорые строки, через резонаторы «Писем прапорщика».⁶⁰

55 Засилье иностранцев (нем.).

56 Ведомство по делам иностранцев (нем.).

57 Падение марки (нем.).

58 Кличка лошади Ф. А. Степуна.

59 Вильзар (погиб в 1915 г.); Чаляпин, Иван Дмитриевич – сослуживцы Ф. А. Степуна, действующие лица «Писем прапорщика артиллериста».

60 «Из писем прапорщика-артиллериста» – книга военных очерков Ф. А. Степуна; впервые издана московским издательством «Задруга» в 1918 г. (под псевдонимом Н. Лугин).

Встречи с Германией, с Европой в том смысле, в каком я ее ждал, в остром, лирическом смысле не произошло. К моменту «Eudkunden'a»⁶¹ душа была односмысленно сосредоточена на образе покинутой России. Как только поезд отошел от Виндавской платформы, на которой осталось всё и все, и потянулись снега, черные пятна деревень и редкие огни в окнах – тема России, Поповской жизни, *захлопнувшейся* двери так остро встала над душой, что Европа сразу же отошла, т. к. встала в близкое, реальное, естественное, само собою понятное и тем самым обесцененное. (Ужасная диалектика моей романтической природы).

Все же было очень радостно получить письма из Фрейбурга и Гейдельберга. Риккерт, Кронер, Мелис,⁶² все откликнулись на мои послания к ним с исключительной дружественностью и с ощущением «культы встреч». Правда, в моих письмах была апелляция к этому чувству культы. Как бы меня радовала предстоящая на Рождество поездка, если бы у меня были переводы «Прапорщика» и «Переслегина» на руках.

А так поеду голым. Надеюсь, что мама через Вас сможет переслать свои переводы. Это мне бы все же хоть кое-что. Но просьбы в отдельном последнем куске.

На вокзале нас встретили (на основании Вами посланной телеграммы, за которую приносим благодарность) Сережа⁶³ – умиленно-рассеянный, Муша⁶⁴ подчеркнуто-европейский и издали рысью несущаяся Вера Александровна:⁶⁵ зубы, красная гвоздика и желтые ноги из-под развевающейся шубы. Носильщик повез вещи. Мы все пошли пешком. Вера и Муша скоро распрощались, а мы с Сережей направились к его Рара,⁶⁶ где были крайне любезно и радостно встречены и где провели ю дней, пока не нашли наши комнаты.

Сережа – грустен, озабочен, неприкаян и ущемлен. Радость и блеск томской деятельности и славы отошел.⁶⁷ В доме Иосиф-Владимировича он никак не по-

61 Правильно Эйдткунен (Eudtkuhnen) – приграничное поселение (с 1922 г. – город) в Восточной Пруссии; ныне – посёлок Чернышевское в Нестеровском районе Калининградской области.

62 Риккерт, Генрих (1863–1936), Кронер, Рихард (1884–1974), Мелис, Георг (1878–1942) – философы, представители баденской школы неокантианства; у Г. Риккерта Ф. А. Степун учился в Гейдельберге, впоследствии состоял с ним в переписке.

63 Гессен, Сергей Иосифович (1887–1950) – философ, педагог; в эмиграции с 1922 г.

64 Шварц, Соломон Меерович (1883–1973) – общественно-политический деятель, революционер-меньшевик, литератор; в эмиграции с 1922 г.; муж В. А. Александровой, знакомый Ф. А. Степуна по Гейдельбергскому университету.

65 Александрова (урожд. Мордвинова, в замужестве Шварц), Вера Александровна (1895–1966) – литературный критик, публицист, редактор; в эмиграции с 1922 г., в 1952–1956 – главный редактор нью-йоркского Издательства имени Чехова, где были впервые изданы мемуары Ф. А. Степуна «Бывшее и несбывшееся».

66 Гессен, Иосиф Владимирович (1865–1943) – юрист, политический деятель, с 1919 г. – в эмиграции; основатель газеты «Руль» (выходила в Берлине в 1921–1931 гг.), издатель «Архива русской революции» (Берлин, 1921–1937. Т. 1–22), директор издательства «Слово» (1920–1935 гг.).

67 В 1917–1921 гг. С. И. Гессен возглавлял кафедру философии на историко-филологическом факультете Томского университета.

ставлен в размер своей сущности и заслуг. В семье будни, безденежье и забота. Женю⁶⁸ все лето оперировали, Женю надо отдать в пансион и т. д. и т. д. В философии – религиозно-онтологические поветрия; – Сережин стиль – в опале. С нами приехавшими очень возятся. Бердяев не только философ, он еще и поп, и персидский шах и “das Rätselhafte des Slawismus”,⁶⁹ одним словом всяческая экзотическая ценность. В связи со всякими здешними планами и начинаниями, о которых пишу ниже – я пытаюсь связать Сережу с нами, но это мне не удастся. Он почему-то никем по-настоящему не ценится. Все ощущают его гносеологическим скопцом. Может быть, выход его книги изменит дело. Пока он в “Ену” (Жена). По-моему ему во всяком случае надо переезжать в Берлин. Ковно – только деньги, т. е. работа во время обеспеченных каникул и больше ничего.

Но состоится ли Ковно – еще неизвестно. Это мечта.

И душевное, и внешнее положение Сураварди⁷⁰ много хуже, чем положение Гессена. За все эти годы он ничего не сделал, напечатал только несколько стихотворений. Пытался писать о России для какой-то английской газеты, но дело неприятно расстроилось. Его тюрьма и заподозриванье в шпионстве омрачили и ожесточили его. Обо всем этом он сказал только несколько слов. Мы видели его три раза. Первый раз на большом обеде у Гессена, на котором нас, т. е. меня (других не было) показывали эмиграции и эмиграцию мне (Каминка,⁷¹ Ганфманн,⁷² Андреев,⁷³ Оберучев,⁷⁴ Ландау⁷⁵ и т. д.). Сураварди был на этом вечере очень грустен, очень от всех, кроме нас с Наташей, далек. И не сказал решительно ни одного слова.

Затем мы были с ним вместе у Веры Александровны. На этот раз он был не только грустен, но презрительно зол. Он опоздал, пришел после ужина. Был голоден, очень и много ел. Потом во время «валютного» спора Муши и Вашего дядюшки⁷⁶ трясся от презрительной злости, как заведенный, но не пущенный автомобиль и сказал несколько никем не замеченных больших резкостей. Его

---

68 Гессен, Евгений Сергеевич (1910–1942) – сын С. И. Гессена, в дальнейшем – поэт, член пражского литературного объединения «Скит».

69 «Загадочность славянства» (нем.).

70 Сураварди (Сухраварди), Хасан Шахид (Shahid Suhrawardy, 1890–1965) – пакистанский писатель и дипломат; в 1916 – 1920 гг. жил в России, в 1920–1932 гг. – в эмиграции в Европе, с 1954 г. – пакистанский посол в Ватикане, близкий знакомый О. А. Шор.

71 Каминка, Август Исаакович (1865–1940) – юрист, общественный и политический деятель, публицист, издатель; с 1918 г. – в эмиграции, один из руководителей газеты «Руль».

72 Ганфман, Максим Ипполитович (1873–1934) – общественный и политический деятель, журналист; в эмиграции с 1921 г.

73 Андреев, Вадим Леонидович (1902–1976) – поэт, сын писателя Л. Н. Андреева; в эмиграции с 1917 г.

74 Оберучев, Константин Михайлович (1864–1929) – общественный деятель, генерал-майор; в эмиграции с 1917 г.

75 Ландау, Григорий Адольфович (1877–1941) – политический деятель и журналист; в эмиграции с 1919 г., в 1922–1931 гг. – заместитель главного редактора газеты «Руль».

76 Шор, Давид Соломонович (1867–1942) – пианист, педагог, музыкально-общественный деятель.

колкости были не замечены, ибо их резкость была только резкостью воли, интеллектуально же они были тонки и к обществу.

И грустный и злой, он был пленительным большим зверем среди бессердечных людей.

Несколько иным он был в вечер нашего третьего свидания. Это было в Грюневальде, на вилле у одного богатого негоцианта, женатого на бывшей актрисе, венке. Сей дом Заксов очевидно очень хорошо расположенный к нему дом. Он бывает у Заксов раза три в неделю. Люди они действительно очевидно крайне милые, простые и *русские* по своим жизненным, обиходным формам. Сураварди же говорит, что хочет он только в Россию и что Россия единственная страна, в которой можно жить настоящей человеческой душе. Его коммерческие дела – пока планы, прикидки своей неукладывающейся в рамки жизни личности на всякие возможные лады.

Мои личные дела все “*im Werden*”.⁷⁷ Может все состояться очень хорошо, но может все и сорваться. Как только я приехал, на меня, т. е. мои книги сразу же обнаружился спрос. Но то, что все запроданы в Россию, все же большое, как выяснилось, для современного книжного дела препятствие.

«Жизнь и творчество» и «О театре» сейчас в «Слове» у Гессена.⁷⁸ <Во> Вторник будет ответ.

«Владимир Соловьев» в Союзе христианских молодых людей. В Среду жду ответ. (Оплата – доллары). «Переслегина» отсылаю в «Современные Записки», парижский очень недурной журнал. (Оплата франки 300 за лист). Но они принципиально не печатают предоплаченных в России, напечатанных там уже вещей.

Все-таки все еще может выгореть. Тогда будет роскошно. Если же все провалится, будет очень скверно. Придется читать и писать для журналов и газет. Но все, конечно, вряд ли провалится. Жизнь ведь всегда половинчата в своих усмотрениях.

Нами высланными немцы интересуются в высшей степени. Интересуются нами также и американцы. На американские деньги организована здесь во главе с Бердяевым религиозно-философская академия. Природа ее выяснится Вами из прилагаемых газетных вырезок. Лекция оплачивается долларом. На доллар *вполне* можно *неделю* не умереть с голоду.

Курс я на всякий случай взял, но если все устроится (все – это значит – книги), то читать не стану. Хочу, рвусь кончать «Переслегина»: если в февральской книге напечатают первую часть, то в апрельскую неизбежно сдам **всю** вторую. И к осени печатать всего. Иначе мне невозможно: умру от разложения младенца в чреве. Этот признак женственности будет хуже коклюша и белой дермографии (!) – кажется так.

Кроме религиозно-философской [института] академии организуется грандиозный русский Институт. Немцы дают помещение и отопление. Но гонорар необходимо получить от валютных стран. Бердяев в центре всех дел и очень хорошо организует вокруг себя все дела. При этом он мне и дружелюбен. Он

77 В развитии (нем.).

78 Издательством «Слово» в 1923 г. была выпущена книга Ф. А. Степуна «Основные проблемы театра»; «Жизнь и творчество» вышла в том же году в издательстве «Обелиск».

крепко спаян с Франком. Ильин с ними, но и против них, я довесок, балансирующий весы блаженного равенства.

Есть кое-что смешное. Но есть и дело.

Кроме этих русских начинаний большого масштаба и связанных с высланными – существует тут еще «Verein zum Studien Osteuropas».⁷⁹ До нашего приезда он влачил жалкое существование. Теперь надеются, что он оживет. Этому оживлению способствовало три ужина. На втором присутствовали «очень веские» люди. 4 министра, профессура и всякое иное. 3-й был полуофициальным. Франком, Ильиным и мною были произнесены припугивающие речи на тему сближения России и Германии.

Обо всем можно и нужно было бы написать Вам подробнее, но кисть горит и спотыкается. Пишу четвертое письмо. Надо писать еще и маме. Потому пока кончаю. О Германии напишу в следующий раз. Она очень изменилась и... обрусела, если так можно выразиться.

Ну, Ольга Александровна, пока кончаю. На днях высылаю Вам статью «О душе актера» – тщательно мною просмотренную. Надеюсь, она будет Вам полезна. Прошу передать «Шиповнику» что 1) пишу на днях, что 2) «Шиповника» здесь в продаже нет ни одного № (так что его никто не знает) и что 3) статей ко второму № не вышло.

Очень прошу через Красный Крест выслать мамин перевод «Прапорщика» и оба тома Шпенглера (1-й у Коли Никольского), так как буду переделывать свою статью для книги (можно через Кр<асный> Кр<ест>). Ну пока кончаю. Шлю самый сердечный привет. Благодарю за весь предотъездный период, за субстанции<альные> отношения и жду писем.

Наташа целует и благодарит за все. Ваш Ф. Ст.

10

17 Января <1923>

Дорогая Ольга Александровна. Ваше письмо с вопросами о «Пересегине» получил тотчас же по возвращении из Гейделя, т. е. 13-ого Января. Мою телеграмму, отосланную мною сегодня утром с оповещением ныне полученной Вами корректуры и просьбой передать Завадскому,⁸⁰ что статьи о «Турандот»⁸¹ высылаю через две недели – Вы, надеюсь, получили своевременно. Пересылка мне корректуры «Пересегина» была мне также категорически обещана, как я категорически согласился печатать книгу о театре без пересылки корректур мне. Это для фундаментирования Вашей энергии в борьбе за точный текст

79 «Общество по изучению Восточной Европы» (нем.).

80 Завадский, Юрий Александрович (1894–1977) – актёр и режиссёр; в 1920–1924 гг. – в 3-й студии МХАТ им. Вахтангова.

81 Рецензия Ф. А. Степуна «Принцесса Турандот» опубликована в сб.: *Принцесса Турандот. Театрально-трагическая китайская сказка в 5 актах. В постановке Третьей студии Московского Художественного Академического Театра имени Евг. Вахтангова*. Москва 1923.

«Переслегина». Я надеюсь, что моя первая корректура поможет Вам добиться абсолютной точности. В нее мною внесено очень много поправок в направлении упрощения – в нее внесены и все предложенные Вами изменения, за исключением фразы: «Я знаю, не Вы, Вы слишком хорошо ко мне относитесь» и т. д. Эту вольность фразы мне не представляется необходимым менять. Если у Вас выйдет лучше, перемените.

Через несколько дней я вышлю вам и гранки «Актерской души». Думаю хотя, что это будет уже поздно. Все Ваши «чтения» сомнительных мест моей «Артистической души» вполне точны. Я еще ничего не писал «Шиповнику», т. е. Абраму Марковичу Эфросу.⁸² Позвоните, пожалуйста, ему и скажите, что я ему скоро пришлю большое письмо на Ваше имя через Красный Крест. У меня к нему много и дел, и вопросов. Скажите «Шиповнику», что небольшое количество первого № месяца тому прибыло в Берлин. Что написаны две рецензии Карсавиным,⁸³ будет в «Днях»⁸⁴ писать Белый – все соберу и вышлю. О том, что ничего не мог сделать для второго номера, выход которого предполагался до Рождества, я уже просил Вас передать. Книгу о театре я условился не печатать здесь до 1-ого Февраля. Она только что началась печатанием и выйдет, значит, не раньше 15-ого Февраля. Тут я более чем чист. Ввоз берлинского издательства в Россию запрещен мною по контракту.

«Переслегина» я продал в «Современные записки». Это эсеровский журнал, ни один номер которого, конечно, не попадет в Россию в книжную торговлю. Если бы «Шиповник» не так тянул с альманахом, то может быть, «Переслегина» вышел бы в России раньше Европы. Теперь оба текста выйдут, вероятно, одновременно. «Современные Записки» выходят в Париже, где прежде всего и распространяются. Думаю, что ввиду всего этого «Шиповник» не будет на меня в претензии.

Все это исключительно для Вашей возможной частной беседы с Меерсоном, который, быть может, будет недоволен тем, что я печатаю «Переслегина» и здесь.

Официально же я прав, потому что никогда не обязывался не печататься и за рубежом, а по существу прав потому, что мне и за границей, во-первых, нужны деньги, а во-вторых – желательно, чтобы меня печатали.

Всё Вами присланное получил.

Недели за две до рождества я послал небольшую посылку через Красный Крест на Ваше имя. В ней был шоколад и еще кое-что. К Вам было письмо с просьбой раздать всё полученное между Малаховкой и Поповкой. По маминым сведениям – ничего не получено. Наведенные мной справки в Красный Крест тоже оказались безрезультатны. Может быть, Вам можно будет что-

82 Эфрос, Абрам Маркович (1888–1954) – искусствовед, театровед, поэт, переводчик.

83 Карсавин, Лев Платонович (1885–1952) – философ; в 1922 г. выслан из СССР, жил в Германии, Франции, один из организаторов Русского научного института, соучредитель издательства «Обелиск».

84 Ежедневная (в дальнейшем еженедельная) газета, выходила с 1922 г. в Берлине под редакцией А. Ф. Керенского.

либо выяснить. Не откажите тогда сообщить. Берлинский Красный Крест утверждает, что все отослано.

О лечении Сифилиса узнал:

- 1) Он абсолютно излечим.
- 2) Ртуть не переносят очень многие.
- 3) Перед ртутным лечением предельвается йодистое.
- 4) Лечить новым и серебряным Silbersalwarsan Сальварсаном.
- 5) В Москве все это известно (Эльза Карловна Винокурова⁸⁵ советует обратиться к доктору Лунцу-Феррейн).
- 6) Величайшие специалисты и институты находятся во Франкфурте.

Через неделю вышлю Вам все подробности, ибо только теперь нашел моего товарища Шерешевского,⁸⁶ который 15 лет уже работает в этой области. Пока потому ни к кому обращаться не советую.

Я дико спешу, Ольга Александровна. У меня горит локоть от скорости писания. Потому это письмо так неприятно сухо и пусто. Еду в Кр<асный> Кр<ест>. Скоро напишу подробно о себе и жизни. Все идет удачно. Гейдель и Фрейбург очаровательны. За Ваше внимание к «Переслегину» приношу величайшую благодарность.

Ваш Ф. Степун.

Всем привет. Юшу в Фрейбург отрекомендовали. На лето мы тоже собираемся туда.

II

<Не позднее марта 1923>.

Дорогая Ольга Александровна.

Я страстно хочу написать Вам настоящее письмо. Я всё не могу найти времени. Я, грешный, даже маме не писал целых шесть недель. Что я делаю, сказать очень трудно, но я еще никогда в жизни не имел такого количества дел. Самое сложное еженедельные лекции в Академии. Потом бесконечные корректуры. В ближайшем № «Современных» Записок» прошел «Переслегин» и вступление к воспоминаниям о большевистском лихолетье.⁸⁷ Затем прошли корректуры книги о Театре. Затем перерабатываю свои статьи (5 штук) в сборник «Жизнь и творчество».⁸⁸ Работа срочная и трудная. В «Шлегеле» и

⁸⁵ Неустановленное лицо.

⁸⁶ Неустановленное лицо.

⁸⁷ Имеются в виду «Мысли о России», публикация которых началась в кн. 14 «Современных записок» (март 1923 г.)

⁸⁸ Сборник «Жизнь и творчество» (Берлин, Обелиск, 1923) включал в себя статьи: «Немецкий романтизм и русское славянофильство» (впервые – *Русская мысль*, 1910, № 3), «Трагедия творчества (Фридрих Шлегель)» (впервые – *Логос. Международный ежегодник по философии культуры*, М, Мусагет, 1910. кн. 1), «Трагедия мистического созна-

«Рильке» бездна «юношеской, стыдной кудри». Главную статью «Жизни и творчества» тоже переделываю. «Прапорщик» – тоже продан и будет переиздаваться. Немецкий перевод, надеюсь, тоже устроится. Сейчас переделываю местами мамин местами прекрасный перевод. Диктую его в машинку и веду переговоры с издателями.

С трудом написал «Турандот». Напишите, пожалуйста, получили ли. Деньги с нее получите, пожалуйста. Вы сами и передайте маме. Мне обещан максимально возможный гонорар. Размер его не определен. Много времени стоят всякие даровые, но нравственно и общественно и тактически обязательные лекции. Читал дважды «Трагедию и Современность» в белоофицерских лагерях. Скоро читаю «Шпенглера», на днях в союзе писателей читаю «Артистическую душу». Необходимо все это как постановка себя, как всяческая связь с людьми, журналами и как «сбалансирование» своей общественно-философской личности и направленности. Приглашают меня сейчас в новый журнал «Беседа»,⁸⁹ во главе которого странное сочетание Горького, Белого, Ходасевича, Ромэн Роллана и А. Франса. Несмотря на Горького, дал принципиальное согласие. Академия и Научный институт в лице весомых здесь Ильина и Франка тянут страшно вправо. Нужно сбалансироваться. Нигде не писать и вообще общественно не быть здесь никак нельзя. Быть же самим собой можно лишь с очень многими разными и по-разному. Все больше ощущаю свой центр, как пересечение неожиданностей. Но я «заподробил». Так писать сейчас не могу. Должен завтра для немецкой газеты дать 500 строк о совершенно изумительной книге Г. Ландау «Сумерки Европы»,⁹⁰ которую обязательно Вам вышлю. Тоже работа для меня не нужная. Но нужная для Григория Адольфовича и поэтому при всей конъюнктуре сейчас обязательная. Самое трудное, что предстоит закончить за лето «Переслегина» и написать статью для «Festschrift»⁹¹ Риккерта.⁹²

«Логос» возобновляется. Пишу рецензии. Верите ли, кроме <как> на Вагнере с Тарасевичем не был ни разу ни в одном ни русском, ни немецком театре. И только раз в концерте на Вагнере. Розу Моисеевну⁹³ видим мало, так как живем на разных концах. Трио Шор-Ковалевых приехало и произвело впечатление очень унылое. А<нна> М<оисеевна>⁹⁴ по-моему скучает, Елена

ния» (о творчестве Р. М. Рильке; впервые – *Логос. Международный ежегодник по философии культуры*. М, Мусaget, 1911–1912, кн. 2–3), «Жизнь и творчество» (впервые – *Логос. Международный ежегодник по философии культуры*. М, Мусaget, 1913, кн. 3–4), «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (впервые – *Освальд Шпенглер и Закат Европы*. М, Берег, 1922).

89 «Беседа» – научно-литературный журнал, выходивший в Берлине в 1923–1925 гг.; в его редколлегию входили М. Горький, А. Белый, В. Ф. Ходасевич, Ф. А. Браун, Б. Ф. Адлер.

90 Сборник философских и культурологических статей Г. А. Ландау, выпущенный в 1923 г. берлинским издательством «Слово».

91 Юбилейный сборник (нем.).

92 Насколько нам известно, эта статья не была написана.

93 Шор, Роза Моисеевна (?-1930) – мать О. А. Шор.

94 Ковалёва, Анна Моисеевна – сестра матери О. А. Шор.

Александровна⁹⁵ хворает. Юша заметно переутомлен и чем-то внутренне обеспокоен. На лето мы собираемся во Фрейбург, и слегка боимся французов.

Ольга Александровна, надеюсь, Вы не думаете, что я просто хам. Я не забыл Вашего единственного поручения. Но лишь неделю тому назад мне удалось найти мой единственно компетентный адрес. То, что мне сказал Шерешевский, вполне совпадает с тем, что говорила Эльза Карловна, справлявшаяся у какого-то профессора-специалиста. Шерешевский прописал Сальварсан, и я, купив его, пересылаю Вам, так как Шерешевский думает, что его может не быть в Москве. Также он шлет адрес и записку к доктору Иордану, которого считает очень компетентным и серьезным. Пересылаемый Сальварсан достаточен лишь на половину однократного лечения. В случае нужды и отсутствия его в России сейчас же вышлю еще. Правда, я делал все, что мог, чтобы отыскать Шерешевского. Пойти же просто к какому-нибудь врачу считал неверным. Мало ли к кому попадешь. Впрочем, дело, кажется, обстоит крайне выяснено. Сальварсан – общее мнение. Ртути никто не обязан переносить.

Если можете, черкните, как обстоит дело с «Переслегиным». Не знаю, как он будет выглядеть в новой орфографии. В старой он вышел в свет сегодня. От мамы знаю, что Вы корректуру получили. В нее внесено все, кроме маленькой, но важной поправки последнего письма. На всякий случай прилагаю. Может быть, успеется. А то бы так вышло.

Гессен переезжает в Берлин. Нашел квартиру – 4 комнаты. Пока он здесь. Нештатный профессор Научного института и секретарь ученого совета. Материально он тем самым устроен. Его «Педагогика» выходит.

Сураварди с Германовой⁹⁶ уехали <в> Ревель, Ковно, Ригу. Вернутся месяца через два. Ну, дорогая, кончаю. Пока всего хорошего. Ваш неоплатный должник Ф. Степун.

Посылка на Ваше имя вся для Поповки. Предыдущая была для мамы на имя Липы. В поповской посылке «Сальвар<сан>» в желтой бумаге.

<Не ранее сентября 1923>.

Дорогая Ольга Александровна. Сегодня Ев<сей> Д<авидович> передал мне Вашу уничтожающую открытку. Она с невероятным отсутствием малейшего удивления констатирует ужасные факты: – тщету моего искания, неверность моего честного слова, нелюбезность, доходящую до того, что я не откликаюсь даже на Ваше предложение прислать мне доллары – и после всего этого шлет мне искренний душевный привет и никак не сердится. Ваш дар дружбы пре-

95 Ковалёва, Елена Александровна – жена и кузина Е. Д. Шора.

96 Германова (наст. фамилия Красовская-Калитинская), Мария Николаевна (1884–1940) – русская актриса; в 1902–1919 г. – в труппе МХТ, с 1919 г. – за границей, в 1922–1927 гг. возглавляла Пражскую группу МХТ (совместно с Н. О. Массалитиновым).

вышает все больше и больше все мои представления о нем, и если он должен мне служить мерою моей преступности, то мне уже ясно, что моя преступность безмерна.

Мне хотелось бы рассказать Вам о столь многом, что я решительно не знаю, с чего начать. Начну с радостной для меня вести, что я неделю тому назад кончил вторую часть «Переслегина». 16-ого Сентября она выйдет в свет. Она небольшая, думаю, не больше 40 печатных страниц и состоит всего только из четырех писем; первые и последние не важны, но 2 и 3 центральные для всего романа. Второе – философия демонической женщины (термина «демоническая» – нет), второе – конкретизация этой темы. Марина в лагере, Марина совершенно новая для Переслегина. Написана сцена вальса в офицерском собрании: Марина танцует сначала с Переслегиным, потом с Алексеем и примиряет их. Все сделано на границе возможного. Удалось ли, не знаю. Е<всей> Д<авидович> хвалит. Надеюсь, смогу переслать Вам, очень будет интересно узнать Ваше мнение. После Парижа написал также и третий очерк «Мыслью о России», который, по-моему, удачен.

Через несколько дней, в которые мне нужно написать предисловие к возобновляемому «Логосу»⁹⁷ – я сажусь за третью часть «Переслегина». В общем и целом мне сейчас все легко. Третья часть состоит, так же, как и первая, так же, как и вторая, из двух частей, вернее, двух половин. Между второй и третьей прошло два года очень счастливой жизни. Начинается вторая часть с воспоминаний о ней: Переслегин в имении у отца. Наталья Константиновна в Москве или еще где-нибудь. Тон спокойный, медитативный и нежный. Рассказы о деревне, природе, доме. Здесь же завершается философия любви – анализ страсти, ревности, стыда, семьи. Освободившись в деревне, П<ереслегин> приезжает тоже в Москву за Н<атальей> К<онстантиновной> и, пробыв с ней недели две, три, по какому-то делу едет в Питер. Н<аталья> К<онстантиновна> не может – болезнь матери или еще какая-нибудь причина. Из Петербурга несколько усиленно нежных писем – и вдруг встреча с Мариной.

Начинаются отношения между Переслегиным и Мариной как Реализация полюса множественности. Переслегин «принимает» Марину на территории Мечты. Но вскоре вскрывается, что Мариной трагической любви «не по пути» с его романтической игрою. Это не «по пути» видно *читателю*, но не видно самому Переслегину. Об этом же «не по пути» пишет Переслегину и Наталья Константиновна, но он не верит и редуцирует ее правду на ее ревность.

Роман мучительный, больной, безблагодатный. Последнее письмо оповещает, что Переслегин едет к Наталье Константиновне. Затем *эпilog*. Одно большое письмо, или, быть может, несколько писем к Наталье Константиновне. Фон – Осени 14 года. Переслегин где-нибудь среди военной обстановки, но не на театре военных действий. Наталья Константиновна от него ушла, не перенеся Марины и всей его теории, которая, конечно, не теория, но вся его душа, его отравы. Марина кончила трагично (как, еще не знаю). Письма очень скорб-

97 Единственный номер возобновленного философского журнала «Логос» (под ред. С. И. Гессена, Ф. А. Степуна, Б. В. Гессена) был выпущен в Праге в 1925 г.

ные. Как будто бы сдающиеся, как будто бы понимающие, что Любовь больше романтики, реальность выше мечты, простое выше сложного, что он виноват, что он разбил три жизни, Наташину, Маринину, Алешину... но потом снова типичная Переслегинская закидка и последний вывод: *Разрушение* жизни есть единственная возможная реализация любви, ценное свидетельство ее божественной природы. Конец: – гимн изжитым часам. Часам – *существам*, крылатым ангелам, каждый со своими глазами и своей поступью. Но этот гимн – весь все же в миноре. Очень грустно, скорбно, холодно, прозрачно – кончается всё – и все в раздвоении. Вопросы всех моих читателей и вопрошателей, что же за человек Переслегин я не разрешу или, точнее, попытаюсь разрешить только через уплотнение момента неразрешимости и проблематичности души моего несимпатичного, но милого мне героя.

О том, что он крайне всем несимпатичен – я Вам писал. Писал я Вам также, если не ошибаюсь, интересное мнение Сураварди, который прямо-таки разразился буйною, гневною, искренней и страстною проповедью против ужасного реализма и кощунственного пафоса «Переслегина», заставившего кричать «немое» и превратившего смерть в тактический прием жизни. Не знаю, отвечал ли Вам Сураварди на Ваше письмо ему. Думаю, что вряд ли. Он очень изменился – затонул, до него не докличешься.

Очень интересен, Ольга Александровна, Гуссерль. Я редко видал такое сочетание психологической скромности и философического мессианизма. Любезности и самоутверждения. За его аскетической феноменологией, враждующей с глубокомыслием в философии, у него таится очень утопическое мирозерцательное грядущее. В первое же его свидание я его раскрутил настолько, что он обрушился на всю европейскую культуру, на «вавилонскую башню современной многоязычной научности». Каждая наука непонятна другой науке, каждая о себе и все друг против друга, ибо все спровоцированы прагматическим техницизмом. Нужно все науки вернуть в лоно философии. Философия должна каждой поставить ее задачу, указать метод и границы. Тогда все науки сомкнутся в гармоническое целое и это целое естественно определит собою единую целостную и духовную культуру. Все эти мысли неофициальны; в официальной феноменологии Гуссерль их, конечно, никогда не сказал бы.

Что-то такое феноменология, я одного все же не понял. Ясно одно – это своеобразнейшая борьба против философии. Во всех лекциях Гуссерль занимается изумительно детализированным описанием основных данных сознания: время, пространство, внутреннее восприятие. Изощренность описания поразительна. Маэстрия⁹⁸ философского терминологирования совершенно изумительная. Эстетическое удовольствие (доставляемое его лекциями) также велико, как велика и досада на отсутствие философского тембра во всех его мыслях. При этом он считает себя платоником. Его ученики идут все совершенно вразброд. Очень большим успехом пользовался здесь Heidegger. Сейчас получил ординариат в Марбурге. Считается учеником Гуссерля, но полон глубокомысленных мирозерцательных тенденций. Определяет филосо-

⁹⁸ Маэстрия (лат. *maestria*) – мастерство.

фию, как “die Beunruhigung des Seins”,⁹⁹ состояние философского духа: – как “Bekümmerng”¹⁰⁰ и т. д., на лекциях громит методологический дилетантизм Риккерт и, не написав еще ни одной настоящей книги, имеет громаднейший у всех студентов и правительства. Фигура в академическом мире совершенно новая.

Кронер, хотя и протестует против этого, стал настоящим гегельянцем: – вписал себя в колею абсолютного духа и катится через голову по Млечному пути. Вообще состояние германской философии очень изменилось. Психологическое многообразие философствующих душевных состояний расширилось до совершенно невозможных по старым временам пределов, и философствуют теперь все же все всем своим существом. Эта волна существенности как-то совершенно похоронила бедного Риккерта.

На моей же улице праздник. К сожалению только, моя улица – не улица, а только принцип [тьень] улицы. Хочу сказать простую вещь: жалею, что моя «Жизнь и творчество» не настоящая философская книга, а только ряд статей, в которых есть лишь совсем общее и совсем детальное, но нет переходов. Есть скелет, ногти, ресницы, но нет не только человека, а нет даже и глаза. Как «прелюдии» же книжка вышла хорошая. Я ее очень «просушил», убрал всё дилетантское цитирование и написал в качестве очень маленького предисловия – довольно основательную самокритику. Быть может, это не совсем прилично, но все-таки своеобразно. Выйдет ли в Берлине «Прапорщик»,¹⁰¹ не знаю. Контракт мною давно подписан. Но сейчас большой крах. Видел я тут Гржебина¹⁰² (он приезжал к Горькому, который живет под Фрейбургом), говорит, что если не начали «Прапорщика» набирать, то вряд ли ему проскочить. Кстати! Не осенит ли Вас счастливая мысль, как озаглавить «Прапорщика»? Я на заглавия очень туп. И книжку о театре тоже озаглавил тяжело и глупо: «Основные проблемы театра».

Вчера мы с Наташей были у Горького и Коровиных.¹⁰³ У Горького я уже вчера был в третий раз. Он очень особенный и «большой» все же человек. Лиц у него очень много. После первого свидания я никак не мог собрать все его лица в одно его лицо. Много в нем очень сложного, путаного и связанного в крепкий узел. Есть много ужимки, атмосферы, вся его биография стилистически все время с ним: как ест, как говорит. Говорит изумительно – ужасно по-русски, простонародно. Говорит – это значит рассказывает. Рассуждает же он совсем слабо. Достоевский, т. е. Россия Достоевского через него очень понятна. Он портит её своим отрицательным отношением к ней. Отношение

99 «Тревога бытия» (нем.).

100 «Озабоченность» (нем).

101 Берлинское издание «Из писем прапорщика-артиллериста» не состоялось; немецкий перевод, выполненный К. Розенберг, был издан К. Ханзером в Мюнхене в 1929 г.

102 Гржебин Зинови́й Исаеви́ч(1877–1929) – художник-график и издатель; в 1919 г. основал «Издательство З. И. Гржебина», фактически управляемое М. Горьким; с 1920 г. – в Берлине, где основал филиал своего издательства; «Издательство З. И. Гржебина» прекратило существование в 1923 г.

103 Ф. А. Степун и М. Горький общались лично в бытность последнего в Гюнтерстале и Фрейбурге (июнь–ноябрь 1923 г.), затем состояли в переписке до 1926 г.

это у него очень куцее. В нем много дешевой романтики просветительства. Просветительство это – конечно, спасло его от трясины, смрада, надсады русской жизни. Он только на своем отрицании глубин и спасся от русской глубины и теперь, конечно, мосты любит больше бездн, потому что любит свое избавление, но в глазах у него отсветы бездн, по краям которых шел. И он много интереснее, конечно, и своих теорий, и даже своих книг. Память изумительная, коллекция типов громадная и большое, испытанное мастерство почти актерского, мимического рассказа. Коровин тоже рассказчик на славу, и вчерашний вечер был очень интересен.

Провел я тут еще три вечера со Станиславским.¹⁰⁴ Рассказал бы я Вам охотно еще и о нем, да невозможно... конца-краю рассказам не будет, если шевельнуть память. Вот если приедете, поговорим; хотя, вероятно, буду страстнее Вас спрашивать, чем Вам рассказывать. О Европе я Вам мог бы, вероятно, хорошо рассказать, лишь рассказывая в России. Сейчас же, благодаря диалектическим свойствам моей благородной памяти, мне хотелось бы прежде всего говорить о России. Недавно открыл я утром окно. Пахнуло осенью: – холодком, бодростью, прелью, и так мне захотелось в Гульнево¹⁰⁵ на мельницу, что мне этого никак не сказать. Так сердцещипательно запахло прудом, навозом, лошадиным потом, дегтем, махоркой и ржой, что все стало вокруг не мило; а ведь в саду розы и лилии, тяжелые груши, <нрзб.>, а горы в хвое – пахнет озоном и смолой. Ужасно иметь такую душу, как у меня, Ольга Александровна. Если бы люди не болели никакими недугами, мне бы все равно от смерти не уйти. Я бы неизбежно задохнулся от своих воспоминаний. Это у меня материнское наследство. Знаю я, что об М<арии> Ф<едоровне> сейчас трудно помнить. А она ведь только и живет – что вспоминает. Вы спрашиваете, Ольга Александровна, писать ли Вам о ней? Ради Бога, напишите всё, как увидели и поняли. Мне это очень важно. Я уговаривал маму сначала было приехать сюда, но потом в предпоследнем письме пошел на попятку. Во-первых, потому, что понял – ей с нами не будет хорошо. В ответ на мое приглашение она написала мне прекрасное искреннее письмо, в котором ясно сказала, что в Радости ей втроем все же не жить. Но это меня бы не смутило; всю жизнь боролся я за то, чтобы ставить все отношения на онтологии должного, а не на психологии возможного. Думаю, что все же я маме смог бы здесь создать жизнь приятную. Ведь не красна же и ее малаховская жизнь. Письма ее, по крайней мере, *ужасно скорбные*. Я знаю, что письма – сгустки настроений, помню и Гётевское: “Alles Dichten ist ein Verdichten”¹⁰⁶, согласен и на перефразировку: “Alles Verdichten ist ein Dichten”¹⁰⁷ – и все-таки, думаю, остается страшная реальность теперешней маминой жизни. Но повторяю, это не главное. Главное, что меня смутило, это ужасные условия, складывающиеся в Германии в эко-

104 К. С. Станиславский в 1922 г. вместе с труппой МХАТа находился на гастролях в Европе.

105 Деревня под Дмитровом, рядом с которой располагалась Поповка.

106 «Всякая поэзия есть сгущение» (нем.). Имеется в виду выражение “Dichten heißt verdichten”, принадлежащее не Гёте, а немецкому философу и мистика Карлу Дюпрелю (Carl Du Prel, 1839–1899).

107 «Всякое сгущение есть поэзия» (нем.).

номическом, а быть может, и в политическом отношении. Сейчас всё-таки такое чувство, что можно совершенно сесть на мель. Книжки дают гроши. Я держусь исключительно «Современными» Записками».¹⁰⁸ Если бы они лопнули, то можно зубы на полку. Одним-то нам не страшно. Можно будет податься куда-нибудь из Германии. Можно будет продать что-нибудь и отсидеться на «поповском» режиме до лучших дней. А с мамой – это может принять катастрофический характер. Напишите обо всем этом, родная. Думается мне также, что можно будет ведь скоро и в Россию податься. Едет к Вам Белый, едет Муратов. Бог даст, смогу приехать и я. К весне, не раньше. Пока еще надо кончить «Переслегин>a» и крепко стать в философии. Мне лично, если не учитывать лирической тоски – здесь, конечно, много существеннее и жить, и работать, но мамина судьба, конечно, страшно волнует и временами подкатывает под самую ложечку. Нужно было бы ей чаще писать, но все как-то не выходит. У меня очень большая деловая переписка, все время надо мною висит опаздывание с Переслегиным и статьями. Книжки тоже надо читать, рукописи... Сейчас читаю диалектику Кона.¹⁰⁹ Много интереснее всего, что он раньше писал. Бердяевский «Достоевский» и «Философия истории»¹¹⁰ – очень слабы, и прежде всего тем, что тождественны по содержанию до смешного. Гессеновская «Педагогика»¹¹¹ – очень солидна, учена, хорошо построена, приятно написана, но по существу для меня, конечно, никак не увлекательна. Для меня воспитание не предмет науки, но искусства жизни. И педагогика потому не логика, но глава эстетики. Если бы я писал педагогику, я написал бы ее как учение о принципах творческого оформления детских жизней и душ. Но, конечно, я никогда не написал бы педагогики.

Сегодня получил я, Ольга Александровна, очень приятное предложение, которым, однако, сочту, вероятно, правильным не воспользоваться, а именно: приехать на месяц в Рим на предмет прочтения лекций о Русской Культуре. Исходит оно от Instituto per Europa Orientale.¹¹² Платят 100 долларов. Должны ехать еще Бердяев, Вышеславцев, Муратов, Зайцев и Осоргин. Думаю не ехать потому, что 1) не хочу прерывать «Переслегина» и 2) не могу читать ни по-французски, ни по-итальянски, по-немецки же читать всё же не приятно, хотя

108 С мая 1923 до начала 1930-х гг. Ф. А. Степун был консультантом «Современных записок» по художественной литературе и получал постоянное жалование: М. Шруба, Степун Федор Августович // *Современные записки*» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 1. Москва 2011, 26–27.

109 Кон, Йонас (Jonas Cohn; 1869–1947) – философ, представитель неокантианства; в 1901 – 1933 гг. – профессор Фрейбургского университета; Степун имеет в виду его книгу *Theorie der Dialektik. Formenlehre der Philosophie*. Leipzig 1923.

110 Имеются в виду сочинения Н. А. Бердяева *Мирозерцание Достоевского* (Прага, YMCA-Press, 1923) и *Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии* (Берлин, «Обелиск», 1923).

111 Труд С. И. Гессена *Основы педагогики. Введение в прикладную философию* (Берлин, «Слово», 1923).

112 Цикл лекций был организован в Институте Восточной Европы с 3 ноября по 15 декабря 1923 г.

и разрешено. Глупо и бездарно, что я не говорю по-французски. Страшное это варварство, но чувствую, что от этого уже никогда не излечусь.

Ну, Ольга Александровна, надо кончать. За Ваше изобретение с долларами бесконечное спасибо. Я считаю его гениальным и очень Вас благодарю. Что Вы распорядились доставить их сюда, тоже сейчас очень правильно. Шлем мы Вам и Вашим самый сердечный привет. Ведь вот ничего я Вам не написал. Просто-таки ничего. А писал целых 5 часов. Решительно нужно иметь стенографистку, ремингтонисток и ученый секретариат, иначе нельзя успеть. Еще раз бесконечно благодарю Вас, прошу прощения и шлю свой привет. Ваш Ф. С.

13

Дорогая Ольга Александровна.

За последнее время я пришел к решению, что маме надо ехать сюда. О таком своем решении я ей писал уже несколько раз. Очень энергично в последнем письме, к ее рождению. Ее болезнь как-то заново поставила передо мной этот вопрос и уже окончательно укрепила решение. Сегодня я отправлю маме снова письмо с просьбой не откладывать отъезд до осени, а сдать дачу, укрепить ее юридически за собою (это, кажется, все еще не сделано, хотя начал это закрепление еще я), продать что еще можно, ничего себе в Москве не шить – и двинуться.

Я очень долго колебался. Здесь маме будет в известном смысле хуже, чем в Малаховке. Внутренне будет хуже. В Москве она живет образом своего Федора; здесь она будет принуждена к поправке на действительность. Живя только моими письмами, она живет со мною *вдвоем*; здесь она опечалится жизнью со мной и *Наташей*. Этого разочарования я долго боялся (не говоря уже о том, что с маминым приездом очень осложнится Наташина и очень нервно настоится моя жизнь); но долго думая над последними мамиными письмами, я пришел к обратному. Я не только не боюсь, что мама по приезде сюда разочаруется во мне, в моем образе, но именно этого я и хочу. В ее письмах такое нарастание тоски и любви, что мне кажется самым важным как-нибудь снизить ее чувство; единственное средство разбить его о действительность; в противном случае оно может вырасти в душевную болезнь. Для мамы, как и для меня дистанция – увеличительное стекло и абсолютно дано только то, что окончательно взято.

Жить втроем нам тут окончательно невозможно. Это будет ад, которого никому из нас не вынести. Жить маме здесь одной в комнате тоже невозможно – она лишь будет все время чувствовать свое одиночество или все время пребывать у нас. Единственная возможность, чтобы они здесь жили с Маргой, как живут в Малаховке, и чтобы вокруг них создалась своя, от нас независимая самоварно-музыкальная интенсивная жизнь.

Пишу Вам вкратце эти мои мысли о мотивах приезда и формах пребывания в заговорщическом порядке, на предмет разговора с мамой и влияния на нее. Визу, я думаю, выхлопотать будет не трудно. Хлопотать нужно, кажется, из Москвы. Но я думаю, что я и отсюда смогу помочь. В прошлом году мне удалось очень быстро выхлопотать визу для Марги. Как только мама решит ехать, я двину здесь все, что смогу. Труднее, вероятно, разрешение Москвы. Тут вся моя надежда на вас, если мамино решение ехать застанет Вас еще в Москве. Так как Вы уже долго запаздываете, у меня шевелится даже и такая мечта, что мама с Маргой, если будут энергичны, словчатся как-нибудь зацепиться за Ваш хвостик. Будьте добры, напишите мне несколько слов как обстоит сейчас техника выезда: 1) возможна ли виза отсюда, и ее выдает (как было в прошлом году), только Brockdorf-Ranzau, 2) Трудно ли получить разрешение на выезд и 3) сколько стоит проезд Москва – Берлин.

Очень важно, чтобы к переезду положительно отнеслась Марга. Ведь фактически хлопотать придется ей. Она может многого добиться, если захочет добиваться, но может и страшно саботировать. Есть ли у Вас кто-нибудь, с кем Вы могли бы ее связать на предмет хлопотов о выезде, если сами Вы уже скоро двигаетесь? В смысле технического устройства выезда – вся надежда на Вас. Другого инструктора – у меня окончательно нету.

..... В свое время Вы хотели мне написать о маме, но, очевидно, не собрались. Было бы мне очень важно знать, что Вы внутренне думаете о моем решении, что маме нужно ехать. В письме Юши Вы писали, что от совета воздерживаетесь. Такое воздержание я более, чем хорошо понимаю. Что можно советовать! Вместе с этим письмом я пишу еще и Марусе. Чтобы мама выехала, надо очень сгармонизировать все влияния на нее. Мое же внутреннее убеждение, что надо ехать. Беспокойно мне что-то стало, и ответственность какая-то грозно временами подымается. Исчислить всего – никогда не исчислишь. Надо следовать непосредственной тяге души. Тянет же меня сейчас на мамин приезд.

Простите, Ольга Александровна, что снова обращаюсь к Вам. Но иначе уже, видно, мне нельзя. Многие письма бы я хотел бы Вам написать, но очень сейчас некогда. После трехнедельной отлучки все дела в страшном запустении и беспорядке. Ну, Бог даст, скоро увидимся. Всего Вам хорошего. Наташа и я шлем Вам сердечный привет. Вашим всем также и милой моей Москве.

Ваш Ф. Степун.

24. IV. 24.

<1924>.

Дорогая Ольга Александровна. Большое спасибо за Ваше письмо. Я спешу Вам ответить и пишу пока коротко. По-настоящему напишу через несколько времени, на свободе и по получении письма от мамы с мотивированным отказом

ехать сюда в ближайшее время. Пока кроме четырех страничек она прислала лишь телеграмму.

Со всем, что Вы пишете, я внутренне совершенно согласен, но вот те соображения, по которым я звал маму переехать и буду звать и дальше.

Первое и решающее то, что я должен звать маму, т. е. писать ей, что хочу, сам хочу ее видеть отнюдь не только затем, чтобы она решилась на переезд, но и затем, чтобы она с некоторым чувством своей душевной устроенности и пригретости в жизни могла бы *оставаться* в К<асимовке>. Вот сейчас она решила, что может отложить поездку. Думаю, что причина хотя бы частично в том, что я очень ее звал, и у нее сейчас чувство – будто она съездила. Ведь идет игра в поддавки. Мне писать ей, что разумнее не ехать, никак не возможно. Я один раз написал ей письмо, в котором писал о наилучших формах сосуществования здесь; она очень обиделась.

Это главное. Но вот еще две причины. Во-первых, я звал маму потому, что очень боюсь остаться перед ней навсегда виноватым, во-вторых, потому что и Липа и Маруся мне писали, что если она не уедет, то она неизбежно заболит психически. В смысле числа дальнейшего воздействия я думаю, что не надо совершенно подрывать мечту о переезде, а лучше, как Вы и пишете, говорить о короткой отсрочке. Мне кажется, что мама все же должна будет приехать. Сам я рассчитываю, что за полгода я смогу исподволь подготовить для нее экономическую базу. Если бы удалось устроить «П<ереслегина>» в немецкий журнал, то это обеспечило бы полгода хорошей жизни вместе с мамой, а может быть и год. О своих философских сдвигах и углублениях напишу <в> следующий раз, правильнее, продиктую письмо моему секретарю. (Очаровательная вещь диктовать письмо). Сейчас же спешу воздухоплавательно сообщить Вам и Марусе (может, мне позвонить ей), что на днях к Вам зайвится наша поверхностная знакомая из Швейцарии, жена швейцарского поэта и Edelkommunist'a¹¹³ (как здесь выражаются), русская барыня из Ельца, одиннадцать лет тому назад покинувшая уже Россию. Она передаст Вам для Поповки 1 фунт кофе, 1 фунт какао, 1 жестянку табаку и кусок желтого крепа и для мамы: пару чулок, перчатки и 2 плитки шоколаду. Будьте, родная, добры, схлопочите доставку этих пустяков в Поповку и Касимовку. В уплату же за любезность доставки этих фунтов Frau Volkardt до Москвы учините ей возможность побывать в Академии и Союзе писателей; расскажите также, как ей технически устроиться, чтобы повидать Луначарского, которого она и муж знают еще по Швейцарии. Простите, что как всегда обременяю Вас хлопотами.

С маминым переводом дело обстоит очень сложно. В свое время, получив первую часть, я просил ее переводить дальше, но написал, что, во-первых, не знаю, удастся ли устроить перевод (что не знаю и по сие время), а во-вторых, что мне его придется, быть может, сильно править, как я правил «Прапорщика».

113 Коммуниста-идеалиста (нем.). Имеется в виду Отто Фолькарт (Otto Volkart, Цюрих, 1880 – Цюрих, 1960), литературовед, поэт, профессор в Цюрихе, стал коммунистом в России, автор работ о Жан Жоресе, Льве Толстом, Августе Фореле, Жорже Хервеге, в 1930-е годы член коммунистической партии Швейцарии. См.: *Dictionnaire historique et biographique de la Suisse*, T. 7. Neuchâtel 1933.

На это мама мне ответила, что при таких условиях переводить ей не стоит. Это раз. Два – очень ведь сложен вопрос пересылки. Одно время все было просто, а теперь затруднилось. Наконец, мама переводит страшно медленно. Сейчас же все осложнилось тем, что одна барыня уже перевела «П<ереслегина>». Думаю, что во многом скверно. Но все же у нее есть достоинство. Современный склад немецкого литературного языка. Мамин перевод мне самому поправить очень трудно. У нее не хватает как раз того, чего не хватает и мне. Легкости немецкой речи. В последнее время, все время говоря по-немецки, читая немецкие лекции, я хорошо понял, что немецкого изящества у меня в немецком языке все же не хватает. Есть и музыка, и красочность, и острота, и точность, и даже дух, но нету синтаксической индивидуальности – своей расстановки пальцев по клавишам. Конечно, мои переводчицы тоже все ничего не стоят, я перерабатываю их очень крепко и не перевожу сам только, чтобы не превратить своим переводом своих переводных вещей – в немецкий оригинал. Простите за это короткое гнусное письмо. Очень жаль, что Ваше в свое время не дошло до меня.

В общем, я доволен своей работоспособностью и своими горизонтами. Мучает нетерпение справиться со всем и начать ещё.

Наташа и я шлем Вам и Вашим самый сердечный привет. Ваш Ф. Ст.

<1927>.

Paradiesstr. 6th.

Дорогая Ольга Александровна, хотя мы с Вами и сговорились надвое, я сегодня все же целый день поджидаю Вас. Интуиция, и моя, и мамина подсказывала, что Вы не приедете, но в сознании более поверхностном неотступно вертелось: ну а вдруг! За сознанием брели ноги, и я целый день подходил к окну на всякий автомобильный гул и собачий брѐх.

Будьте добры и сообщите, когда Вы собираетесь к нам. Условимся, что Вы дадите телеграмму. Хорошо бы знать заранее, когда Вас можно ждать. Январь – это месяц pflichtverkehr'ный,¹¹⁴ и потому надо заранее освободиться под Вас. Начало недели я неменяем. Лучше всего, если бы Вы приехали в четверг и пробыли бы у нас несколько дней. На один четверг не приезжайте. В четверг вечером у нас гости: «эмигрантщина». Вас очень еще хочет видеть Добровейн,¹¹⁵ он очень обеспокоен здоровьем Давид Соломоновича. Чем, кстати, здесь заболел Д<авид> С<оломонович>? Я по телефону не понял. Надеюсь, не серьезно.

¹¹⁴ Обязательного общения (нем.).

¹¹⁵ Добровейн, Исай Александрович (1891–1953) – пианист, дирижёр, композитор; с 1923 г. в эмиграции.

От Вячеслава была на днях открытка!¹¹⁶ Мама особенно хочет знать, когда Вы будете, чтобы встретить Вас. Вообще мы Вас напряженно ждем. Самый душевный Вам и Вашим привет от нас всех. Ваш Ф. Степун.

16

Wesroud 34-84.¹¹⁷

<1927>.

Дорогая Ольга Александровна.

Итак, ждем Вас с величайшим нетерпением в среду. Если Вы приедете в Среду утром, то мы с Вами можем вместе у нас пообедать и проговорить до 4-х. В 4 я уйду в семинар и вернусь около 7. В начале 9-ого мы с Вами выехали бы. Вы к маме, а мы с Наташей в другое, к сожалению, обязательное место. Четверг и пятницу я буду по вечерам совсем свободен. А кроме того обеда, чай, ужины.

– Итак, приезжайте, если можете, в Среду утром 8. 2. из Берлина. 11. 22. в Дрезден. Наташа будет на вокзале. Мне жаль, что Вы 6-ого без меня, но я согласен на это, дабы пробыть и побеседовать с Вами на несколько часов больше.

Мне очень прискорбно, что моя открытка заставила Вас снять шляпу, но последние дни были катастрофичны.

Привет Вам и поклон от Наташи и меня. Ваш Ф. Стп.

Привет всем Вашим.

17

13-го января 1927.

Дорогая Ольга Александровна, пишу Вам со скорбью в душе, что лучше отложить нам наше свидание. В ближайшие дни в моей душе дым коромыслом; за пятницу, субботу и воскресенье я должен кончить немецкую статью для Logos'a (дописать 30 стр.),¹¹⁸ должен ее продиктовать в машинку. Машинистка уже заказана: будет завтра и послезавтра в 5 – 10 вечера. За это же время я должен приготовить 2 очередные лекции. Пришло все в такое смятение из стеснения, потому что назначенные на пятницу университетские заседания и выборы ректора вырвали у меня два рабочих утра. Наконец, проездом из Берлина

116 Иванов, Вячеслав Иванович (1866–1949) – состоял в переписке с Ф. А. Степуном; указанная открытка не выявлена; публикацию переписки Ф. А. Степуна и В. И. Иванова см.: *Символ*, № 53–54, 2008, 404–420; *Современные записки*, (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. Москва 2013, 946–964.

117 Другими чернилами.

118 Имеется в виду статья: *Deutsche Romantik & die Geschichtsphilosophie der Slawophilen*. In: *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie und Kunst*. XVI, 1927, 46–67.

на несколько часов будет у нас 17 или 18-го мой приятель Чижевский.¹¹⁹ Я Вас ужасно хочу видеть (и тоже Н.) длительно и существенно. Моя мечта, чтобы Вы приехали к нам в четверг 20-го. Напишите, каковы Ваши планы. С душевным приветом Ваш Ф. Степун. Целую письменно Наталья.

18

Dresden 30-го мая 1928 г.

Дорогая Ольга Александровна, очень был рад (и я тоже) получить от Вас весточку. Мы с Наташей давно недоумевали, почему Вы так упорно молчите. Запрашивали Ваш адрес у Юши, писали и Вере Александровне.¹²⁰ От Вас была только одна открытка ровно год тому назад по поводу смерти Льва Александровича.¹²¹ Адреса Вы в ней не сообщали. Писал я между прочим в сентябре и Вячеславу Ивановичу, но он и на это письмо, как и на предыдущие, не откликнулся. Можете себе представить, как я потому удивился, получив Вашу открытку.

Появление «Переслегина» на итальянском языке мне, конечно, очень ценно и очень приятно. Если есть такая возможность, очень прошу Вас сделать все зависящее от Вас, чтобы реализовать эту возможность.¹²² Я лично согласен на всякие условия; но эта моя податливость ограничивается, к сожалению, моим немецким издателем, которому я продал немецкий текст, как original-Verleger'у.¹²³ Это значит, что он имеет право голоса, ибо он получает со всех переводов 50% моего дохода. У меня уже было с ним столкновение по поводу выхода в свет русского «Переслегина» (это дело потом расстроилось, потому что я не согласился на ту внешность книги, которую предложил мне русский издатель, думаю выпустить русского «Переслегина» более изящно в Париже), так как он нашел, что я продал его слишком дешево. После долгих переговоров через присяжного поверенного я выторговал себе такую интерпретацию контракта, по которой я располагаю манускриптом и лишь обязан платить ему 50%. Все же это лишь интерпретация, о которой всегда возможен новый спор. Все это пишу Вам лишь к тому, чтобы сказать, что для того, чтобы реализовать итальянский перевод, мне нужно было бы иметь хотя бы только на вид выгодный контракт. Вы понимаете, что я это пишу не ради каких-нибудь материальных выгод, а исключительно только ради того, чтобы не сорвалось дело. Я не знаю, кто предполагаемый Вами издатель, и описываю все положение не для него, а только для Вас. Если даже и видимо выгодный контракт невозможен, то я готов выдержать второй бой с моим немцем за итальянского «Переслегина», как выдержал за русского. Сейчас я перерабатываю с одним немецким поэтом

119 Чижевский, Дмитрий Иванович (1894–1977) – философ, филолог-славист, литературовед; с 1921 г. – в эмиграции.

120 Шор, Вера Александровна – скрипачка, сестра О. А. Шор.

121 Тарасевич, Лев Александрович (1868–1927) – российский микробиолог; отец А. Л. и Ю. Л. Тарасевичей.

122 Итальянское издание «Николая Переслегина» не состоялось.

123 Издатель-правообладатель (нем.).

немецкий перевод, и должен признаться, что многое в русском тексте подлежало бы переработке. В нем есть и прозаизмы, есть и выкрутасы, я хотел бы потому, чтобы итальянский переводчик имел бы в своем распоряжении исправленный мною текст. Простите такое длинное размышление по поводу «Переслегина», но ничего не сделаешь, такова уже родительская тревога автора. Кстати – Вы ведь увезли с собою экземпляр «Переслегина»?

Каковы Ваши планы и как Вы довольны своею работой? Нашли ли искомые письма? Когда собираетесь в Россию и собираетесь ли вообще? Ходят слухи, что Вы, быть может, приезжаете в Берлин. Надеюсь, что Вы не минуете Дрездена. Мы ждем к себе на этой неделе Евсея Давидовича, а 10-го, 12-го июня Липочку. С первых чисел августа мы, вероятно, уедем из Дрездена. В сентябре я собираюсь на социологический конгресс в Цюрих,¹²⁴ в октябре буду, вероятно, читать <в> Берлине и Данциге. Пишу Вам это все для того, чтобы Вы знали наши планы и для того, чтобы нам с Вами заранее сговориться об удобных для нашего свидания сроках. Все это, конечно, на тот случай, если бы Вы ехали в Берлин проездом в Россию. Очень надеюсь, что это мое предположение ни на чем не основано. Пока кончаю, так как очень занят. У нас тут сплошные конгрессы. Я за этот год много работал, но в мало симпатичном для Вас направлении – заедают социальные вопросы. Мама хотела Вам писать. Она подхварывала, но в общем держится молодцом. Наташа и я шлем Вам наш душевный привет (я крепко целую Н.). Искренне Ваш Ф. Степун.

Подготовка текста и примечания Александра Волкова.

---

124 VI социологический конгресс, состоявшийся в Цюрихе в 1928 г.